

**МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ СРЕДИ
РОССИЙСКИХ
НЕМЦЕВ:**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

Материалы международной
научной конференции

Анапа, 26-30 сентября 1997 г.

Москва «ГОТИКА» 1998

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЕМА И РАССЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ В С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Е.В. Бахмутская

С именем Александра I связан важный этап в развитии немецких колоний под С.-Петербургом, в ходе которого на карте губернии появился целый ряд новых поселений.

Как известно, иммигрантам первой волны, переселившимся в Россию по приглашению Екатерины II во второй половине XVIII в., пришлось пережить длительный и сложный период адаптации, обусловленный как рядом ошибок в правительственной колонизационной политике, так и факторами субъективного характера. В полной мере это относится к старейшим колониям в окрестностях столицы – Среднерогатской, Новосаратовской, Ижорской, Луцкой, Норховской и Франкфуртской.

К организации второго этапа переселенческого движения власти подошли с учетом прежнего опыта: в указе Александра I от 20 февраля 1804 г. извещавшем о возобновлении приема иностранцев, были предложены меры, имевшие целью, с одной стороны, упорядочить деятельность русских властей по приему и расселению колонистов, а с другой – улучшить качественный состав самих переселенцев. В указе содержались, в частности, требования заблаговременного отвода земель под поселение, четкой организации процесса переселения; число принимаемых семей ограничивалось до двухсот в год, при этом глава каждой из них должен был иметь свидетельство о добром поведении и знании земледелия, а также о наличии капитала в 300 гудьденов или имущества на соответствующую сумму, которое должно было быть вывезено в Россию [1].

Согласно данному указу, основной поток переселенцев должен был последовать в Новороссию. Вместе с тем в 1808 г. Александр I выразил желание продолжить начатое Екатериной II устройство колоний в С.-Петербургской губернии и выделил для этой цели участок в 20 000 дес. собственной земли между Ораниенбаумом и Красной Горкой. Предполагалось, что поселившиеся здесь колонисты будут снабжать продуктами сельского хозяйства порт Кронштадт, куда продовольствие до сих пор вывозилось из Петербурга.

Русским миссиям за границей было предписано известить желающих о возможности селиться под Петербургом, однако вскоре выяснилось, что потенциальные колонисты ориентированы в основном на переезд в южные губернии России, сведения о преимуществах которых они получали от уже эмигрировавших соотечественников.

Лишь в январе 1809 г. поверенный при Венском дворе старший советник Анштетдт сообщил министру внутренних дел князю А.Б. Куракину о том, что в Россию желает переселиться группа выходцев из германских государств, которые прожили некоторое время на землях, отошедших к Пруссии после разделов Польши (м. Иновлад на р. Пиллице). Потерпев разорение в ходе войны 1806–1807 гг., приведенной к поражению Пруссии и образованию из принадлежавших ей польских областей Великого герцогства Варшавского, они, по словам поверенного, были готовы идти, куда бы их ни пригласили; еще ничего не зная о предложении русского правительства, они с осени 1808 г. не засеяли озимыми свои поля, полагая, что к весне их уже не будет на прежнем месте. Так как иновладские колонисты не имели сведений о южных губерниях, Анштетдт считал возможным привлечь их к поселению под Петербургом [2].

По получении этого известия Александр I отдал распоряжение о немедленной подготовке земли под пашню, огороды и сады, а также помещений для временного пребывания колонистов. Руководство работами по предложению министра внутренних дел было поручено служившему в его ведомстве статскому советнику Е.Ф. Канкрину (будущему министру финансов России), а для преподавания иновладских жителей в столицу был откомандирован титулярный советник Шпигельберг, занимавшийся приемом колонистов в Вольнской губернии. Последний был снабжен паспортом за личной подписью Александра I и подробной инструкцией министра, в которой многократно подчеркивалась необходимость практически избежать действий, могущих вызвать недовольство властей

Варшавского герцогства, фактически находившегося под протекторатом Франции. Россия и Франция балансировали на грани войны, и любая неосторожность могла спровоцировать ухудшение отношений.

По прибытии в Иновлад эмиссар Куракина действительно сразу же столкнулся с проблемами: выяснилось, что свободный выход колонистов с недавних пор запрещен, и паспортами они больше не снабжаются. Власти могли выдать лишь свидетельства о полной уплате колонистами всех необходимых податей.

Между тем приезд Шпигельберга оказался подозрительным командованию воинского гарнизона, и он под конвоем был направлен в Варшаву к министру полиции графу Потоцкому. Подключившийся к делу министр внутренних дел герцогства направил доклад о деятельности Шпигельберга на рассмотрение саксонского короля (Варшавское герцогство входило в состав Саксонского королевства), и лишь возобновление военных действий позволило ему покинуть Варшаву и вернуться в Радзивилов.

Таким образом, Шпигельбергу не удалось выполнить данное ему Александром I поручение и доставить колонистов в столицу. Однако до своего ареста он успел встретиться с их представителями, тайно собравшимися у него на квартире поздней ночью, передать им письмо князя Куракина, в котором подробно описывались преимущества поселения под Петербургом, и призвать их самостоятельно двинуться в сторону российской границы. В ходе встречи выяснилось, что имеется еще несколько десятков колонистских семейств, готовых следовать в Россию.

Вернувшись к месту службы, Шпигельберг получил предписание министра внутренних дел принимать прибывающих колонистов и отправлять их в Петербург.

В течение нескольких месяцев колонисты группами прибывали в Радзивилов. Дорогу до границы они проделывали за свой счет. Трудности пути усугублялись необходимостью уберечься от проволочнейшей на этой территории вербовки в армию и реквизиции лошадей. В Радзивилове переселенцы обеспечивались кормовыми деньгами и формировались в партии для отправки в Петербург.

Первая партия из 18 семей прибыла из Иновлада 18 мая 1809 г. под руководством старосты М. Мельхера. Она была отправлена в С.-Петербург под руководством губернского секретаря Ф. Штромсера 27 мая и прибыла туда 29 июня. Прибывшие в течение июня 55 семей были отправлены в сопровождении следовавшего в Петро-

заводский усад титулярного советника Неймана 29 июня и добрались до места назначения 30 июля. Последняя партия из 18 семей, которую вел ковельский квартальный надзиратель поручик фон Кек, двинулась в путь 16 сентября и прибыла в столицу 13 октября [3].

Уже во время пути к Петербургу, занявшего около месяца, колонисты столкнулись с первыми проблемами на российской земле. Тогда же вспыхнули и первые конфликты с местными чиновниками.

Так, староста второй партии Вернер, получив положенные песеленцам кормовые деньги из расчета 15 коп. ассигнациями на взрослого и 10 коп. на ребенка — всего 1117 руб. 20 коп., и взяв к тому же денег в долг у состоятельных колонистов, помнил их на серебро по курсу 43 коп. за 1 руб. и раздавал колонистам уже серебром, так как, по его словам, определенной русскими властями суммы не хватало, и люди терпели в дороге нужду. В результате «многие не получили вовсе кормовых, а содержались своим иждивением, а другие получили только часть положенной пропорции, иные же употребили и больше, разумея все серебром» [4].

В создавшейся ситуации был признан виновным лекарь Нейман; после долгих разбирательств было решено доплатить этой партии 455 руб. 70 $\frac{1}{4}$ коп., однако староста Вернер требовал доплаты недостающих, по его мнению, 1606 руб. 50 коп. [5]. Таким образом, расходы на транспортировку этой партии переселенцев значительно превысили запланированные, а конфликтная ситуация осталась неразрешенной.

Еще более острый конфликт возник между третьей партией и сопровождавшим ее поручиком фон Кеком. Дойдя до Могилева, колонисты отказались следовать дальше под его началом, так как он, по их словам, злоупотреблял средствами, закупая необходимые продукты по непомерно высокой цене, а также позволял извозчикам везти их сутки напролет, не давая ни часу отдыха. Жаловались колонисты и на недостаток казенных денег. Фон Кек, в свою очередь, обвинял их в грубости, бунтовстве, воровстве, «желании бить извозчиков и даже колоть их ножом» [6]. Чтобы погасить недовольство, могилевский гражданский губернатор предписал фон Кеку снабдить особо нуждавшихся в деньгах из имевшейся у него резервной суммы, оставаться в пути на воле, «соблюдать справедливость и быть ласковее» [7]. В помощь ему был выделен заседатель местного суда, который должен был довести колонистов до Витебской губернии.

С прибытием в столицу в середине октября 1809 г. последней партии общее число семей колонистов составило 91 (375 душ). Первоначально переселенцы были размещены в старых колониях — Новосаратовской, Среднерогатской и Ижорской и поручены надзору смотрителя, титулярного советника Пегелая. Они были приведены к присяге на подданство российской короне; детям сделали прививки против оспы; тем, кто мог найти работу в Петербурге на первое время, выдали паспорта [8].

Сохранившиеся в фондах Российского государственного исторического архива транспортные списки дают возможность составить представление о петербургских колонистах второй волны.

Среди них были уроженцы Баден-Дурлаха, Нижнего Эльзаса, Пруссии, Вюртемберга и других германских государств. По вероисповеданию большинство являлись протестантами, незначительную часть составляли католики. По роду занятий 85% колонистов, согласно спискам, относились к земледельцам, однако помимо этого среди них находились три ткача, три плотника, бочар, садовник, каменщик, стекольный мастер, булочник, сапожник, учитель. Впрочем в списках, наряду с ремесленной специальностью последних, значится также звание «земледелец». Каждое семейство, состоявшее, как правило, из родителей с двумя-тремя малолетними детьми, имело свидетельство о честном и хорошем поведении и знании земледелия.

В имущественном положении переселенцев имелись существенные различия. Так, у шести семей в графе «имущество» стоит запись: «одна постель» (в том числе, например, у семьи Людвига Куфеля — одна постель из восьми человек). Наиболее многочисленную группу (56%) составляли колонисты, имевшие, наряду с постелью, мешки и сундуки с бельем и платьем. Более десятка семей везли, помимо этого, ценные вещи — ружья, пистолеты, серебряные часы; 16% семей имели при себе денежные суммы, но лишь в четырех из них они составляли 100 и более талеров. Нужно отметить, что в составе нескольких семей находились слуги и работники, в том числе польского происхождения [9].

Отсутствие у колонистов значительных денежных сумм объяснялось российскими чиновниками тем обстоятельством, что при уходе из Иновлаца они вынуждены были бросить свои хозяйства, не имея возможности продать ничего, кроме лошадей, отчего каждое семейство лишилось, как сказано в свидетельствах, до 400 талеров [10].

Приведенные данные не дают возможности сделать вывод о значительном улучшении качественного состава иммигрантов, на которое ориентировал указ Александра I. Поощряя прием беженцев из разоренной войной местности, российские власти вряд ли могли рассчитывать на прибытие состоятельных хозяев, хотя, по возможности, и старались соблюдать требование об отборе переселенцев: напутству схапшего в Иновлац Шпигельберга, князь Куракин призывал его «наблюдать, чтоб принимаемые отвечали требованиям, на прием колонистов изданным, и чтоб между ними не было людей развратных или для сельского быту не нужных» [11].

Несвыполненной оказалась и вторая задача, сформулированная в указе от 20 февраля 1804 г. и касавшаяся улучшения организации приема и расселения колонистов, несмотря на то, что в С.-Петербургской губернии это обстоятельство имело первостепенное значение: по мнению властей, менее благоприятные, по сравнению с Новороссией, природные условия здесь должны были компенсироваться преимуществами в обеспечении жильем и устройстве быта. В цитированной выше инструкции Шпигельбергу министр внутренних дел, в частности, отмечал: «Буде бы исожиданным случаем дошли до их сведения успехи в водворении колонистов в Южных наших провинциях, то ваша должность им представить, что... они найдут уже тут все готовое вместо того, что в Новороссийском крае они должны еще участвовать в постройнии для себя домов» [12].

Однако в мае 1809 г., когда первая партия иновлацких переселенцев уже находилась на пути к столице, министр внутренних дел Куракин должен был сообщить императору, что при подробном осмотре выяснилась полная непригодность предназначавшихся под их поселение земель, часть из которых уже была разделена между казенными крестьянами, остальные же составляли топи и болота.

В стремлении срочно решить возникшую проблему вносятся предложения поселить прибывающих то в Новороссию, то в Ямбургском уезде; затем делаются попытки купить земли у частных владельцев — графов Румянцева и Безбородко, князей Гагарина, Пугатина, но все они заканчиваются неудачей [13].

Наконец в августе 1809 г. назначенный незадолго до того на должность инспектора петербургских колоний Е. Ф. Канкрип сообщил о показавшихся ему подходящими 15 000 дес. земли в юго-западной части Царскосельского уезда, в так называемом Изварском обресе. Там решено было основать три колонии — Большую, Среднюю и

Нижнюю и параллельно со строительством обеспечить сооружение мостов и прокладку дорог в этой плохо освоенной местности.

Кроме того, были все же изысканы возможности для строительства нескольких небольших колоний по побережью Финского залива — Стрельнинской, Петергофской, Ораниенбаумской и Кронштадтской.

Было разработано несколько проектов колониетских домов, различавшихся как размерами (дома «большого», «второго», «среднего» и «малого» «разборов», сметной стоимостью соответственно 3400, 3200, 2800 и 2400 руб.), так и внешним видом фасадов. Планы лично рассматривал и утверждал Александр I. Особое внимание уделялось облику приморских колоний, одной из целей строительства которых являлось окультуривание ландшафта береговой полосы Финского залива.

Строительство домов осуществлялось подрядчиками из числа местных кушцов и крестьян. Власти стремились привлечь к строительству и самих колонистов, однако, как следует из отчета инспектора Канкрипа, «по прихотливым их требованиям в том не было успеха» [14].

Тем не менее решено было использовать колонистов на работах по очистке территории от леса и прокладке дорог, платя им сверх кормовых денег по 10 руб. в месяц [15]. При этом инспектор предлагал в случае отказа колонистов от работ, «как от них ожидать можно», «принудить их под опасением, что зачинщики будут отданы в рекруты» [16], однако министр внутренних дел поручил сообщить об ослушных «для отсылки в смиренный дом» [17].

К зиме 1811 г. строительные работы были в основном закончены и переселенцев распределили по колониям. Большая колония в Изварском обресе насчитывала 23 двора, в которых размещалось 37 семей (дома «большого разбора» были рассчитаны на два семейства), в Средней колонии было 11 дворов (18 семей), в Нижней — 16 дворов (23 семьи) [18].

Что касается приморских колоний, то в Стрельнинской построили 8 домов (8 малых семей), в Петергофской — 2 дома (2 большие семьи), в Кронштадтской — 6 домов (7 семей) и в Ораниенбаумской — 3 дома (3 семьи). Реальная стоимость домов значительно превысила сметную и составила в приморских колониях 5500 руб., в Изваре — 3000 руб. В отчете о строительстве инспектор Канкрип замечал: «Колонии сии представляют столь приятные виды, что я весьма сожалел, что не мог весною оные снять» [19].

Помимо жилья были построены школы, хозяйственные постройки, молитвенные дома (в Изваре лютеране первоначально обслуживались пастором финского прихода Губаницы, а католики — священником прихода в Ямбурге, посещавшими колонии несколько раз в год; приморские колонисты были причислены к приходу дворцовой церкви в Ораниенбауме).

Колонистам, поселенным по побережью Финского залива, земля предоставлялась из расчета 35 дес. на семейство. В Изваре семейный надел составлял 50 дес., из которых 20 дес. должно было принадлежать на огород и пашню, 20 дес. — на покосы и 10 дес. — на лес. При этом удобной землей здесь предлагалось считать «всякую, исключая одного сыпучего песка» [20].

На казенный счет были изготовлены орудия труда: колесные железные плуги «на бранденбургский манер», телсти «на русский манер» для изварских и «на колонистский манер» для приморских колонистов, бороны с железными зубьями. Впрочем, для работы на дальних расчистках рекомендовано было использовать традиционные сохи и деревянные «чухонские» бороны, являвшиеся основными орудиями местных крестьян [21].

Помимо этого, на каждое колонистское семейство было выделено по две коровы и по одной лошади.

Весной 1810 г. колонисты приступили к сельскохозяйственным работам на новом месте. Однако уже в мае вспыхнуло недовольство в Стрельне: залив, что предоставленные им земли плохого качества, жители колонии прекратили работу и потребовали перевода их на другие места. Инспектору Капкрину удалось уладить конфликт, склонив управляющего Стрельной отвести переселенцам по возможности меньше неудобных земель.

Гораздо более серьезная ситуация сложилась в Изварском обресе.

В феврале 1811 г. инспектор с-петербургских колоний сообщил О. П. Козодавцеву, сменившему на посту министра внутренних дел А. Б. Куракина, что «изварские колонисты, приступая не очень радиво к отысканному для них работам, с некоторого времени обрашались тихонько в сочинении просьб, кои содержат между прочим разные прихотливые требования, говоря, что если они не будут выполнены, то подадут просьбы свои далее» [22].

Требования колонистов заключались в том, чтобы им были увеличены кормовые и выделены фуражные деньги, расчищены земли под пашню, сделаны дороги на полях, даны по две лошади вмес-

то одной на каждого хозяина, новые плуги вместо старых, сломанных, по их словам, летом в коренях, а также сани, молотки и другие инструменты.

В сопровождающих просьбу колонистов замечаниях инспектор Капкрин отмечал, что считает их требования в большей части безосновательными, так как, по его мнению, содержать двух лошадей одному хозяину не под силу, кормовые деньги хотя и «не избыточны», но колонисты и их расходуют нерационально, к примеру, «когда не замечает смотритель, даже нанимают других рубить им дрова» и т. д. [23].

В марте 1811 г. на должность инспектора с-петербургских колоний был назначен статский советник И. Бунин. Ему удалось убедить жителей Большой колонии отказать от своих пртензий, пообещав им выдать мелкий рогатый скот, произвести расчистку на полях и увеличить сумму кормовых дснет.

Жители же Средней и Нижней колоний, не найдя отклика у непосредственного начальства, подали прошения на имя Александра I и императрицы Марии Федоровны. Мотив своих действий они изложили в переданном инспектору Бунину 22 марта 1811 г. рапорте, где, в частности, говорилось: «Мы всегда были готовы работать и приниматься за все, если бы хотя бы малейшую надежду имели, что в здешних местах можно завести хлебом, но, так как очевидно, что здесь нет ни пахотной земли, ни сенокосов, и что мы даже в пятом колене не имеем надежды найти ее и как земледельцам лично жить шлодами трудов своих, ибо здесь только болота и песчаные места, то имеем честь объявить, что мы никак здесь жить не можем» [24].

В апреле 1811 г. дело было рассмотрено в Экспедиции государственного хозяйства. Чиновниками экспедиции были наведены справки о порядке действий властей в аналогичных ситуациях в других регионах и получены сведения, что, к примеру, в Херсонской губернии для усмирения бунта прибывших в 1804 г. колонистов было высочайше повелено вызывать воинские команды, отдавать зачинщиков под суд, высылать за границу, применять телесные наказания [25].

Приняв во внимание эти прецеденты, инспектор Бунин предложил разместить в Изваре отряд казаков и подвергнуть зачинщиков беспорядков публичной порке.

18 апреля 1811 г. было издано повеление Александра I, где предписывалось инициаторов выступления отдать на неделю в работ-

ный дом, назначить в Изварский обрест обер-шурльда из старых колоний и разместить там казаков [26].

В соответствии с указом в колониях были расквартированы казачьи лейб-гвардии казачьего полка. Однако когда они попытались забрать четверых зачинщиков волнений для отправки в рабочий дом, колонисты Средней и Нижней колоний отказались выдать своих товарищей, и, придя к мысли о том, что об их положении ничего не известно царю, так как прошения не доводятся до его сведения, они решили лично представить их Александру I и отправились в столицу, однако были задержаны.

В разгар беспорядков, 14 мая 1811 г., в Большой колонии вспыхнул пожар, в ходе которого сгорело 10 жилых домов, молитвенный дом, кухня, пожарный сарай, мост, оставшийся от строительства лес; 18 семей лишились всего имущества. Ущерб составил 42 тыс. руб. [27].

Назначенный обер-шурльдем согласно приказу царя Иван Грауде из Новосаратовской колонии бежал, заявив, что бонится бунтующих колонистов, угрожавших ему расправой [28].

В усугубившейся ситуации Александр I, повторив приказ о взятии нескольких колонистов в рабочий дом и дав указание усилить команду казаков, принял вместе с тем решение о тщательном расследовании причин возмущения в изварских колониях. Для этой цели была создана специальная комиссия, в состав которой, помимо инспектора, вошли представитель Экспедиции государственного хозяйства С. Джунковский и члены нижнего земского суда.

В ходе следствия часть колонистов Нижней и Средней колоний дали подписки в том, что отказываются от своих требований и приступают к работе в поле, однако, когда члены комиссии уже собирались покинуть колонии, жители их с женами и детьми явились к дому, где они располагались, и, по словам инспектора Бунина, «гребовали нахальным образом, чтобы я выдал им обратно клятвенное обещание, а ежели сего не исполню, то при моих же глазах убьют своих детей или побросают их в воду. Затем последовало общее возмущение, ужасный крик, так что ничего понять было нельзя, на лицах же, и паке женских, видно было одно зверство и отчаяние» [29].

Инспектору ничего не оставалось, как разрешить колонистам подписать отказ от своей клятвы о повиновении. В своем отчете он замечает, что «руководили этим жены, которые вообще управляют своими мужьями, ибо мужья их со слезами подписывали нарушение клятвы» [30].

В результате весной 1811 г. жители Нижней и Средней колоний так и не приступили к работе на полях. Все попытки принудить их к этому силой были безуспешными. По приказанию царя «первые возмутители» — колонисты Геринг и Шмидт — были высланы с семьями за границу, ибо даже выйдя из рабочего дома, куда они были помещены наряду с двенадцатью своими товарищами, заявили, что и под страхом смерти не останутся в Изваре [31]. Остальные жители Нижней и Средней колоний на призывы работать «отзывались со смехом, что в таком положении останутся, пока вышлют и их за границу» [32].

С согласия Александра I было решено наказывать непокорных розгами, назначая в первый раз 25 ударов, а при повторном неповиновении — 50.

Наконец, признав безрезультатность насильственных мер и тот факт, что земля в Изварском обресте действительно непригодна для земледелия, 12 сентября 1811 г. Александра I издал именной указ о переселении колонистов [33].

Основную их часть — 45 семей — решено было отправить в Новгородский край. 20 семей назначили к переселению в Стрельну, для 11 семей выделили земли в Ораниенбаумском уезде, у почтовой станции Кипень. Шесть семей выразила желание поселить на принадлежащей ей земле в г. Павловске императрица Мария Федоровна, однако реализация этого плана была отложена.

Земли Изварского обреста передали в ведение министерства финансов. Часть домов, школа, общественные постройки, кухни, находившиеся там, были разобраны и перевезены на новые места поселения колонистов в пределах губернии. Здесь колонистам были отведены земли из расчета 35 дес. на семейство; в отношении подачей и льгот они подчинялись общим положениям, оговоренным в указе от 20 февраля 1804 г.

В итоге расходы на водворение, обзаведение и новое переселение колонистов второй волны составили 547 303 руб. 39,5 коп. ассигновками и 371 червонец [34].

Таким образом, в период с 1809 по 1811 гг. на территории С.-Петербургской губернии было образовано пять немецких колоний — Стрельнинская (состояла из двух деревень — Нейдорф и Нейгаузен), Кишиневская, Ораниенбаумская, Петергофская и Крошгитадтская. Эти колонии получили общее название «новых», или «приморских». С их основанием в целом закончился процесс образования так называемых материнских колоний под Петербургом (к таковым можно

отнести еще Эюп, 1817 г., и Фриденталь, 1819 г.). В дальнейшем колонии в окрестностях столицы, а к началу XX в. их насчитывалось около 40, возникали за счет переселения выходцев из уже существующих поселений на новые земли.

Анализируя ситуацию, сложившуюся при водворении колонистов второй волны в С.-Петербургской губернии, российские чиновники возлагали вину за провал правительственных планов прежде всего на самих переселенцев. Они обвинялись, в частности, в отсутствии должных познаний в сельском хозяйстве, так как «многие из них были большою частью только наемниками у земледельцев, а некоторые были только худые ремесленники или находились в полевой службе». Тем не менее, зная, что российские власти были заинтересованы прежде всего в земледельцах, они «объявили себя таковыми несправедливо» [35].

Член Экспедиции государственного хозяйства С. Джупковский отмечал, что при этом колонисты и не пытались добросовестно подойти к выполнению своих обязанностей, приложить усилия для улучшения своего положения, причиной чего, по его мнению, являлись «развращенность нравов» и собственные переселенцам вообще «леность, легкомыслие и охота к перемене» [36].

Эту точку зрения поддерживал министр внутренних дел О.П. Козодавлев, который, также давая низкую оценку качествами нового состава иммигрантов, наряду с этим замечал, что власти на всех этапах колонизации и во всех регионах сталкивались с подобными проблемами. В частности, министр ссылался на донесения повороисийского генерал-губернатора Дюка де Ришелье, из которых явствует, что и на юге России, несмотря на хорошее качество земли, поля по три-четыре года остаются незасеянными, и колонистов приходится принуждать к труду посредством телесных наказаний [37]. Кроме того, О.П. Козодавлев приводит данные Экспедиции государственного хозяйства о том, что в С.-Петербургской губернии и при основании первых колоний в 60-е гг. XVIII в. переселенцы «оказывали непокорность, но были наказаны даже телесно и наконец постоянным понуждением прилежены в порядок и цветущее состояние» [38].

Нельзя не признать принципиальную справедливость вывода о том, что в процесс эмиграции (если только она не связана с религиозными или идеологическими мотивами) вовлекаются прежде всего те, кто в силу объективных или субъективных причин не имел возможности достичь благосостояния на родине. Тем не менее не-

обходимо повторить, что в данном случае само министерство внутренних дел активно способствовало переселению иммигрантов из разоренного войной Иновлаца, осуществляя общее руководство их отбором и приемом.

Упрская колонистов в стремлении ввести их в заблуждение относительно своего социального статуса, российские власти, со своей стороны, пренебрегли выполнением обещаний, с помощью которых иновлацкие жители были привлечены в окрестности Петербурга: назначенные первоначально под поселение земли не были обследованы, по выяснению же их непригодности непродуманно и спешно был решен вопрос о выделении другого участка, также оказавшегося в результате непригодным для сельскохозяйственной обработки. Вместо того чтобы, как было обещано, сразу поселиться в благоустроенно построенные дома, колонисты вынуждены были более года жить на временных квартирах и под угрозой наказания принуждались к участию в строительстве.

Практика управления колониями входила в грубое противоречие с положениями законодательства, ярко проявилось стремление к ограничению самоуправления и расширению полномочий российских чиновников. Неспособность к рациональному разрешению конфликтной ситуации, возникновение которой в данных условиях было закономерным, привела к необходимости применения силовых методов. В нарушение провозглашенных принципов было разрешено применение телесных наказаний, ставился вопрос об отдаче колонистов за неповиновение в рекруты. Насилие лишь усугубило конфронтацию в отношениях между колонистами и властями. Его следствием стало открытое возмущение, для подавления которого была использована военная сила.

Таким образом, на втором этапе образования немецких колоний в С.-Петербургской губернии проблемы, имевшие место в предыдущий период, вопреки планам властей не только не были преодолены, но, напротив, проявились в еще большей степени, прежде всего в силу просчетов, допущенных на всех уровнях руководства процессом поселенчества.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи: (Собрание 1-е. С. 1649 по 12 дек. 1825 г.). СПб., 1830. Т. 1-45. (Далее — ПСЗ-1). Т. 28. № 21183. С. 137-140.
2. Там же. Приложение к т. 40. № 23440а. С. 57-58.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1153. Л. 162-168, 171-174, 204 об.-207.
4. Там же. Л. 269.
5. Там же. Л. 420.
6. Там же. Л. 248.
7. Там же.
8. Там же. Л. 187.
9. Подсчитано по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Л. 1153. Л. 162-168, 171-174, 204 об.-207.
10. Там же. Л. 83.
11. Там же. Л. 33.
12. Там же. Л. 33 об.
13. Там же. Д. 1154.
14. Там же. Д. 1155. Л. 151.
15. Там же.
16. Там же. Л. 153.
17. Там же. Л. 156.
18. Там же. Д. 1170. Л. 85 об.-84 об.
19. Там же. Л. 40.
20. Там же. Д. 1154. Л. 111.
21. Там же. Д. 1167. Л. 218.
22. Там же. Д. 1171. Л. 2.
23. Там же. Л. 3.
24. Там же. Л. 28.
25. Там же. Л. 45 об.
26. Там же. Л. 41.
27. Там же. Л. 126 об.
28. Там же. Л. 89.
29. Там же. Л. 183.
30. Там же. Л. 133 об.
31. Там же. Л. 169.
32. Там же. Л. 186.
33. ПСЗ-1. Т. 31. № 24766. С. 836-837.
34. Там же. Т. 37. № 28124. С. 38-39.
35. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1171. Л. 138 об.
36. Там же. Л. 139 об.
37. Там же. Л. 189 об.
38. Там же. Л. 187.